

ман
мен

Советское
Искусство

7/ноя. 39г

Москва

Годы нужды и скитаний

Он и сейчас еще помнит страшное слово «фалаха». Так называлось в турецкой школе наказание ударами палок по согнутым коленям. Он помнит, как он однажды вырвал из рук своих «педагогов» орудие «воспитания», переломил его пополам и убежал из школы...

Дома, где царили суровые нравы табачных плантаций Самсуна, поступок мальчика вызвал возмущение отца и новые побои. Не лучше было и в другой школе, а позже — в лицее. В памяти у Армена сохранились не школьные игры и лицейские дружеские беседы, а настоящие религиозные войны между учениками-католиками и грегорианцами.

Но были в юности и светлые минуты. Они были связаны с получением, всеми правдами и неправдами, армянских газет, издававшихся на папиросной бумаге в Марселе, или с приездом в Константинополь армянской труппы во главе с знаменитым трагиком Адамяном.

Армен мечтал стать актером. На школьном вечере он с успехом читал стихи: «О, небо, приветствую тебя».

Но отец внушал юности, что актеры — это ненавистная, презренная секта пьяниц и шарлатанов. Эти представления об актерстве, созданные отцом, разрушила встреча с великим армянским трагиком.

— Клянусь, что я пройду жизнь твоим путем, — мысленно обращался юноша к Адамяну. И вскоре Армен убежал из дому, переправился на пароходе на Кавказ, в Тбилиси. Здесь он поступил в армянский театр. Это было в 1891 году.

Юноша хотел учиться искусству актера. Но с чем столкнулся он в самом начале своего нового пути, о котором мечтал, как о высшем наслаждении? Режиссера не было. Главные актеры были заняты только собой, а не спектаклем. Партнер для них был только «подающим реплику». Все мизансцены подгонялись под мизансцену «корифея». Молодые актеры были предоставлены самим себе. Армен пал духом. Он хотел учиться, а на него смотрели, как на готового актера. Отказываться от выступлений он не мог — ему грозил голод. Играя небольшие роли, он испытывал чувство стыда и не раз после спектакля, заливаясь горькими слезами обиды, восклицал:

— Прости меня, Шекспир!

Однажды антрепренер русской драмы посоветовал Армену попытаться счастья за границей: «Только там можно учиться, поезжайте к Саре Вернар».

И Армен Армениян уехал в Париж. Но здесь он вскоре убедился, что школа Сары Вернар была лишь «питомником дешевых статистов», что молодые люди приходят сюда только в поисках куска хлеба, а не знаний, необходимых артисту.

Армениян пошел к Мунэ Силли, Великий артист направил Арменияна к своему брату, актеру Французской комедии, Полю Мунэ, знаменитому исполнителю роли Яго. Мунэ стал первым учителем Армена, научившим его «сочинять паузы», то-есть мыслить и действовать.

Армениян был счастлив. Исполнилась его мечта. Кроме Поля Мунэ его учителями стали Ложье, Сильвен и Ле-Баржи. Но после уроков он приходил домой, и на столе его ждал обед: кусок хлеба и три картофелины. Голод гнал его на улицу продавать журналы и открытки с видами Парижа. Подняв воротник старого пиджака и нагнув на лоб кепи — чтобы не узнал кто-нибудь из прохожих, Армениян выкрикивал названия своего товара и, с трудом заработав 20 сантимов, покупал горячие каштаны. Они согревали и руки и желудок.

Вечером надо было учить роли, но в комнате не было света, — Армениян находил его под уличными газовыми фонарями.

Но вот Антуан объявил о приеме в свой театр нескольких актеров. Армениян, прочтя на пробе Дон-Карлоса из «Эрнани» Виктора Гюго, имел успех у самого Антуана, и консьержка открыла ему кредит в надежде, что не за горами актерское жалованье. Но на второй пробе, когда Армениян показывался в Освальде, Антуан заметил у актера армянский акцент и по-

советовал почаще общаться с людьми, живущими в рабочих кварталах Парижа, чтобы притти к чистой французской речи через говор простого народа.

В эти кварталы Армениян пришел не только по совету Антуана. Там, у Северного вокзала, он нашел заработок в театре «Буфф-дю-Нор». Позже он назывался «Театр Мольера».

— За один франк в день я готов исполнять любую работу, — обратился Армениян к директору, и тот его принял на должность... помощника помрежа.

В обязанности помрежа входило не только вести спектакль и репетиции, но и штрафовать провинившихся в чем-нибудь актеров. Дирекция всячески поощряла штрафы, выплачивая помрежу известный процент. Армениян ненавидел своего шефа, и чтобы не было поводов к штрафам, бегал по актерским уборным, предупреждая о выходе на сцену. Помрежа это приводило в бешенство.

Но вскоре выпал случай, когда шеф смог оштрафовать самого Арменияна. Заболел артист, и его роль поручили помощнику помрежа, который во время спектакля сам придумал мизансцену, вызвавшую смех в зрительном зале. Но, к несчастью, этот момент совпал с игровой паузой премьеры, и смех в зале сорвал корифея всю сцену.

Из «Театра Мольера» Армениян ушел вторым режиссером, но к Антуану он больше не возвращался. В 1901 г. он вернулся на Кавказ, где со страстью отдался организации театров в Александрополе (ныне Ленинкан) и в рабочем районе Тбилиси, на Авлабаре. Он совмещал здесь работу режиссера, актера и руководителя рабочих самодеятельных кружков, некоторые из участников которых украшают сейчас сцены Азербайджана, Грузии и Армении, — народный артист Азербайджанской ССР Ерамян, именем которого назван Государственный армянский театр в Баку, заслуженный артист Грузинской ССР Пирумян и другие.

После скитания по деревням близ Александрополя и гастрольной поездки в Турцию Армениян поступил в театр Армянского драматического общества, покровительствуемого меценатом Манташевым.

Здесь царил атмосфера вражды между актерами, погоны за бенефисами, подарками. О честном соревновании в искусстве нельзя было даже мечтать. Сцена была превращена в филиал «торгового дома Манташев и К^о», где актеры конкурировали друг с другом, торгуя своим искусством.

Влияние мецената стало в тягость Арменияну, и он решился на отважный поступок. Бросая в лицо всеильному Манташеву суровое обвинение, он влезал на сцену, которая заканчивалась словами: «Довольно! Мы не хотим ни ваших денег, ни ваших работ о нас. Не заглушайте нашего энтузиазма, не оскорбляйте в актере человека, не оскверняйте нашего храма».

На следующий день Армениян был уволен. По примеру Манташева поступили и эчмиадзинские церковники, которые предали Арменияна анафеме за организацию спектакля в церкви.

Как далеки эти дни! Сколько пройдено путей и перепутий! В памяти старого актера мелькают Париж, Тбилиси, Тегеран, Баку, Константинополь, Каир, Александрия. И всюду — борьба страстного энтузиаста за право свободного слова и свободного труда в искусстве.

Сейчас, после поездки по Украине, Северному Кавказу и Донбассу, после работы в Абхазии, в Аджаристане, в Азербайджане, Армениян снова в своем родном Ленинкане, где в 1905 году, в деревянном сарае, он зажег огни ramпы нового армянского театра. Сейчас на месте этого сарая — Второй государственный театр Армянской ССР, в спектаклях которого народный артист республики Армен Армениян мечтает сыграть в этом сезоне роль Ленина, роли Бетховена и полководца Суворова.

В. УСТИНОВ